

ЮЖНЫЙ КРАЙ

Воскресенье, 23-го Сентября 1907 года.

ИЛЛЮСТРИРОВАННОЕ ПРИБАВЛЕНИЕ КЪ № 9191.

Докторъ Г. Я. Острянинъ.
Убитый 4 сентября.

Князь И. Г. Чавчавадзе.
Грузинский поэтъ, убитый 30 августа.

Предложение.

(Съ англійского).

Миссис Руглесь стояла на старомъ каменномъ крылечкѣ чернаго хода и въ сгустившейся вслѣдъ за золотыми сумерками темнотѣ звала громкимъ голосомъ: „Бэни! Бэни!“

Съ дровяной кучи поднялся человѣкъ, до того мирно курившій тамъ, и поспѣшно засунулъ трубку въ удобную щель въ дровахъ. Онъ былъ низокъ и склоненъ къ тучности; его лобъ былъ высокъ, голова плѣшива; круглое, чисто выбритое лицо его имѣло дѣтское выражение, не соотвѣтствовавшее его 40-лѣтнему возрасту.

— Да, мамуся, отозвался онъ. Я здѣсь. Въ чёмъ дѣло? Что тебѣ надобно?

— Подойди сюда и прими пилюли, сказала миссис Руглесь.

Бэни подошелъ и угрюмо прислонился къ периламъ крыльца.

— Я не хочу пилюль, заявилъ онъ, слегка накмурившись.

— Ступай сюда и прими ихъ моментально, скомандовала миссис Руглесь. Теперь какъ разъ время лихорадокъ и простуды. Пилюли предохранятъ тебя отъ нихъ. Проглоти ихъ живѣй! Ужъ во всякомъ случаѣ повредить онъ не могутъ.

Она всунула ему двѣ крупныя, черные пилюли, и Бэни послушно проглотилъ ихъ, послѣ чего онъ радостно направился къ дровяной кучѣ и оставленной трубкѣ; но миссис Руглесь снова позвала его.

— Садись здѣсь на лѣстницѣ, Бэни, сказала она, вводя свое грузное тѣло на порогъ. Мнѣ пришла въ голову хорошая мысль, я хочу подѣлиться съ тобой.

Бэни снова повиновался. Вообще, вся его жизнь была проведена въ исполненіи ея приказаний, такъ что повиновеніе казалось уже въ немъ скорѣе врожденнымъ, нежели привитымъ.

— Я размышляла, сказала миссис Руглесь, смотря на слабый отблескъ солнца, еще трепетавшій на западѣ, о твоей женитьбѣ.

Бэни зардѣлся и беспокойно задвигался на ступенькѣ. „Нѣть, мамуся, я не хочу жениться!“ отвѣчалъ онъ. Это было то же самое слабое, едва слышное выраженіе, какое было сдѣлано и противъ принятія пилюль.

Миссис Руглесь улыбнулась. Она хорошо знала, что выраженія Бэни всегда оказывались безплодными; въ концѣ концовъ она всегда ихъ преодолѣвала.

— Я старѣю, Бэни, продолжала она. Мнѣ уже минуло 74 года и мнѣ не вѣчно оставаться съ тобой. Передъ тѣмъ, какъ сойти въ могилу, я желаю видѣть тебя оставленнымъ въ хорошихъ рукахъ. Ты былъ воспитанъ заботливо, всегда находился подъ хорошимъ присмотромъ, и я хочу быть увѣренной, что ты возьмешь хорошую женщину. Послѣ моей смерти некому будетъ посовѣтовать тебѣ. Не такъ ли?

— Да, мамуся, кротко согласился онъ.

— Итакъ, я хочу, чтобы ты избралъ себѣ хорошую, милую дѣвушку и женілся, продолжала она. Какую-нибудь опрятную, симпатичную, знающую, какъ штопать чулки и умѣющую готовить вкусныя блюда. Припомнi-ка дѣвушекъ, которыхъ ты знаешь, и назови одну изъ нихъ.

Бэни сидѣлъ нѣкоторое время въ задумчивомъ молчаніи. Наконецъ, онъ поднялъ глаза, покраснѣлъ еще больше, а руки нервно двигались. Онъ съ неестественной силой кашлянулъ.

— Это Эмилія Гобсонъ, произнесъ онъ, наконецъ.

Миссис Руглесь выразительно кивнула головой въ знакъ полнаго одобренія.

— Эмилія будетъ тебѣ хорошей женой, сказала она. Быть можетъ, она не столь подвижна, какъ нѣкоторыя изъ молодыхъ, но она симпатичная дѣ-

вушка, а 36 лѣтъ,—не такой ужъ страшный возрастъ. Не знаю, тѣла ли я когда-нибудь тортѣ лучше того, который прислала мнѣ Эмилія мѣсяцъ тому назадъ. Приступай тотчасъ же къ дѣлу. Неизвѣстно, сколько я еще проживу. Смерть можетъ прийти ко мнѣ, какъ и къ большинству моихъ родственниковъ, внезапно, и мнѣ будетъ легче умереть при мысли, что ты счастливо женился. Ты приступишь сейчасъ же, не такъ-ли?

— Да, мамочка, сказалъ онъ съ нѣкоторою нерѣшительностью.

— Ну, вотъ и хорошо, промолвила мать, вставая. Я рада, что вышло по моему. Съ тѣхъ поръ, какъ я стала размышлять объ этомъ, я всегда думаю, что твой выборъ падетъ на Эмилію.

Она вошла въ домъ, а Бэни уныло побрѣль назадъ къ дровяной кучѣ и тамъ, вытащивъ снова изъ потайного мѣста свою трубку, онъ опустился сумрачно на колоду и въ клубахъ сквернаго табачнаго дыма старался найти успокоеніе своему взволнованному уму.

Въ слѣдующій вечеръ Бэни, по убѣдительному настоянію матери, приступилъ. Была половина восьмого, когда онъ перешелъ поле, расположеннное позади дома Гобсонъ, по внѣшности напоминавшаго скорѣе присужденного къ эшафоту, нежели человѣка, который собирается разговаривать съ дамой своего сердца. Капли пота стояли на его лысинѣ, когда онъ достигъ задняго крылечка и слегка постучалъ. Изнутри послышался шумъ тяжелыхъ шаговъ, дверь распахнулась, и грубый голосъ Эзы Гобсонъ сердечно привѣтствовалъ его.

— А, здравствуй, Бэни! Входи! Куда идешь? къ проповѣди? Для чего же нарядился въ этотъ праздничный костюмъ?

Голова Бэни закружилась, а сердце готово было разорваться.

— Дома ли Эмилія?— удалось ему пролепетать, наконецъ.

Тутъ только Гобсонъ уразумѣлъ смыслъ праздничнаго наряда. Онъ лукаво улыбнулся.

— Да, заходи,—сказалъ онъ и, обернувшись, повелъ его въ кухню. „Эмма, у тебя гость. Это—Бэни“, прибавилъ онъ совершенно неумѣстно, такъ какъ послѣднѣй уже входилъ, въ замѣшательствѣ наступая на пятки своего тестя. „Вамъ, вѣроятно, понадобится лампа въ залѣ? Я пойду захѣч“.

Эмилия положила свое шитье на столъ и поднялась. Она была выше Бэни и нѣсколько сгорблена. Ея замѣшательство въ эту минуту, казалось, равняло его.

— Добрый вечеръ. Позвольте преподложить вамъ стулья,—промолвила она поспѣшно. Бэни сѣлъ. „Вѣ ли здорово?“ спросилъ онъ. „Прекрасно, благодаря“, сказала Эмилия. „Мама пошла провѣдать миссъ Стронгъ. Говорятъ, что ей все хуже. Какъ ваши?“ „Вѣ лучшемъ видѣ“, отвѣтилъ Бэни. Послѣдовало неловкое молчаніе. Послѣ долгаго ерзанья въ стульѣ Бэни, наконецъ, прервалъ его: „Мать говоритъ, что торты, которые вы прислали—лучшіе, которые она когда-либо ела“, объяснилъ онъ сияюще.

Эмилия зардѣлась еще больше. „Я довольна, что они ей понравились“, сказала она.

А затѣмъ, когда ея отецъ шумно вошелъ, прибавила: „Не пожалуете ли въ гостинную—тамъ гораздо пріятнѣе“. Бэни послѣдовалъ за ней съ сознаніемъ, что первый, самый трудный, шагъ сдѣланъ. Онъ испытывалъ облегченіе, подобно пловцу, который, послѣ глубокаго нырка, выплываетъ снова на поверхность и дѣлаетъ первый полный вздохъ. Закрывъ дверь за парочкой, мистеръ Гобсонъ лукаво улыбнулся, и такъ какъ новость была слишкомъ важной, чтобы медлить, онъ тихонько выскользнулъ изъ дому и вошелъ въ слѣдующую дверь къ Стронгамъ. Здѣсь онъ нашелъ миссисъ Гобсонъ, занятую въ темной кухнѣ приготовленіемъ каши. Она обернулась на шорохъ за ширмами и увидала своего повелителя.

— Жена,—прошепталъ онъ, —Эмилия имѣть жениха.

— Ну, вотъ еще,—воскликнула его пораженная супружница.—Кто же онъ?

— Бэни Руглесъ,—объяснилъ онъ тономъ, какъ бы выражавшимъ, что дни чудесъ еще не миновали.

Бэни вѣрь свое сватовство точно такъ же, какъ онъ дѣлалъ все осталное въ своей жизни—глуко, методически. Каждый вечеръ по пятницамъ, наряженный въ плохо сшитый праздничный костюмъ, онъ неуклюже брѣлъ къ дому Гобсоновъ, чтобы тамъ въ гостинной, краснѣя и засияясь, провести часа два съ Эмилией.

Миссисъ Руглесъ пиковала. По вечерамъ, когда Бэни пускался въ свои любовныя странствованія, она становилась у черного крыльца, гордо слѣдя за его ковыляющей фигурой, пока она не скрывалась въ кукурузномъ полѣ.

Графъ Л. Н. Толстой и его третій сынъ Левъ Львовичъ (писатель).

между тобой и Эмилией?

— Ничего, отвѣчалъ Бэни уклончиво.

— Нѣтъ, что-то есть, сказала она рѣзко. Я наблюдала за вами послѣднее время. Вы не подходите другъ къ другу, не такъ ли?

— Нѣтъ, мамочка, отвѣтилъ Бэни.

Миссисъ Руглесъ глубоко задумалась.

— Объяснился ли ты уже съ ней? спросила она, наконецъ.

— Нѣтъ, мамуся, снова отвѣтилъ Бэни.

— Что жъ, замѣтила мать, ужъ прошло достаточно времени. Ты ходишь туда уже болѣе 4-хъ мѣсяцевъ. Тебѣ пора объясниться.

Она сама разнесла по деревенскимъ кумушкамъ и новость о томъ, что Бэни ухаживаетъ за Эмилией Гобсонъ.

Бэни переносилъ все это съ обычнымъ ему духомъ крѣпости. Но недѣли шли за недѣлями; пятница смѣняла пятницу съ ужасающей быстротой, и чувство смутнаго недовольства росло въ немъ. Мать пристально слѣдила за нимъ. Происшедшее въ немъ перемѣна не могла укрыться отъ ея проницательныхъ старыхъ глазъ. Наконецъ, въ одинъ изъ вечеровъ на исходѣ лѣта, сидя на порогѣ черного хода, она подозвала его къ себѣ.

— Бэни, сказала она, что произошло

Бэни неуклюже поднялся и остановился передъ ней. Первый разъ за всю свою жизнь онъ находился въ состояніи слѣднаго возмущенія противъ власти. Онъ былъ такъ возбужденъ въ эту минуту, что дрожалъ съ головы до ногъ.

— Я не стану ее спрашивать, отвѣтилъ онъ грубо, потому что я не намѣреваюсь жениться на ней.

Миссисъ Руглесъ ахнула. Она не довѣряла своимъ собственнымъ ушамъ.

— Что? вскричала она. Бэни Руглесъ! Да знаешь ли ты, что говоришь?

— Да, мамуся, я знаю, что говорю, объявила онъ.

— Я не женюсь на Эмилии Гобсонъ и болѣе того, я сегодня же отправлюсь сказать ей объ этомъ.

Несчастный захлебывался. Въ немъ съ необыкновеннымъ напряженіемъ говорило чувство самозащиты.

— Я не знаю, въ чёмъ суть, продолжалъ онъ, но есть что-то, что мнѣ въ ней не нравится. Это не печенья, которыхъ я съѣлъ достаточно, чтобы убѣдиться, что она хороший поваръ, и не то, чтобы она пренебрегала мною или не хочетъ выйти за меня. Но чего то въ ней не хватаетъ, и хуже всего то, что я не знаю, въ чёмъ, именно, этотъ недостатокъ заключается.

Онъ угрюмо прошелъ мимо нея въ домъ, а миссисъ Руглесъ, продолжая сидѣть, какъ окаменѣлая, слышала, какъ онъ шумно возился внутри. Затѣмъ онъ снова появился въ своемъ великолѣпномъ пятничномъ костюмѣ, хотя была только среда. Мать уставилась на него съ нескрываемой тревогой.

— Ты, вѣдь, не пойдешь? правда? жалобно спросила она.

— Нѣтъ, пойду, отвѣчалъ онъ. Я долженъ сегодня же положить всему этому конецъ.

Онъ побрѣлъ черезъ задний дворъ, перекарабкался черезъ стѣну и скрылся въ кукурузовомъ полѣ. Когда онъ добрался къ дому Гобсонъ, отъ недавняго возбужденія въ немъ не оставалось и слѣда. Онъ былъ такъ несчастенъ, онъ находился въ безысходномъ затрудненіи, что сказать Эмилии. Умѣй онъ только опредѣлить ея недостатокъ, и все облегчилось бы.

Но то, что онъ самъ точно не зналъ, въ чёмъ онъ, бѣсило его. Когда онъ подходилъ къ крылечку, его поразилъ звукъ сердитаго, пискливаго голоса, долетавшій до него черезъ открытое окно. Онъ остановился, внимательно прислушиваясь. То было голосъ Эмилии.

— Не думайте, что вы будете наносить грязь въ дому, а я стану обметать ее послѣ васъ, кричала сна. Снимите ботинки и выставьте ихъ на крыльцо!

Бэни слышалъ, какъ мистеръ Гобсонъ возражалъ что-то невнятно густымъ басомъ.

— Снимите ихъ и выставьте на крыльце, слышите! повторила гнѣвно Эмилия.

— Хватить для меня работы и безъ того, чтобы чистить грязь, которую вы вѣчно наносите.

Прислушавшійся Бэни перевелъ дыханіе. Онъ нервно засмѣялся. Его разомъ сорвало. Казалось, большая тяжесть свалилась съ его сердца. Онъ поспѣшилъ въ домъ, чутъ не опрокинувъ мистера Гобсона, который послушно выходилъ съ злополучными сапогами въ рукахъ. Эмилия стояла у кухоннаго стола, когда, затаивъ дыханіе, вошла Бэни. Увидѣвъ его, она вздрогнула, поспѣшила скрыть свой гнѣвъ и принужденно улыбнулась.

— Я слышалъ васъ, ликующе сказала Бэни.

— Я слышалъ, какъ вы его банили. Краска сбѣжалась со щекъ Эмилии. Улыбка исчезла. За дверью, она знала, стоялъ отецъ, мстительно хихикая.

— Я слышалъ васъ, повторилъ Бэни. Почему вы не сказали мнѣ раньше, что вы умѣете такъ баниться? Я полагалъ, что въ васъ совсѣмъ нѣтъ огонька, а я люблю женщинъ съ огонькомъ. Вѣдь, матушка банила меня всю мою жизнь, и я теперь такъ къ этому привыкъ, что нуждаюсь въ этомъ регулярно. Если бы я не открылъ, что вы умѣете такъ баниться, я никогда не пожелалъ бы жениться на васъ; но теперь... Эмилия, вы выйдете за меня замужъ, не такъ ли?

Мистеръ Гобсонъ исчезъ въ темнотѣ. Эмилия мужественно старалась улыбнуться, но не выдержала, слезы переполнили ея глаза и заструились по щекамъ. Одна въ комичной нерѣшительности поискала на кончикѣ ея носа.

— Вы выйдете за меня, правда? повторилъ Бэни съ настойчивостью, удивившей его самого.

Эмилия колебалась только одинъ моментъ. И, потупивъ глаза, она скромно произнесла:

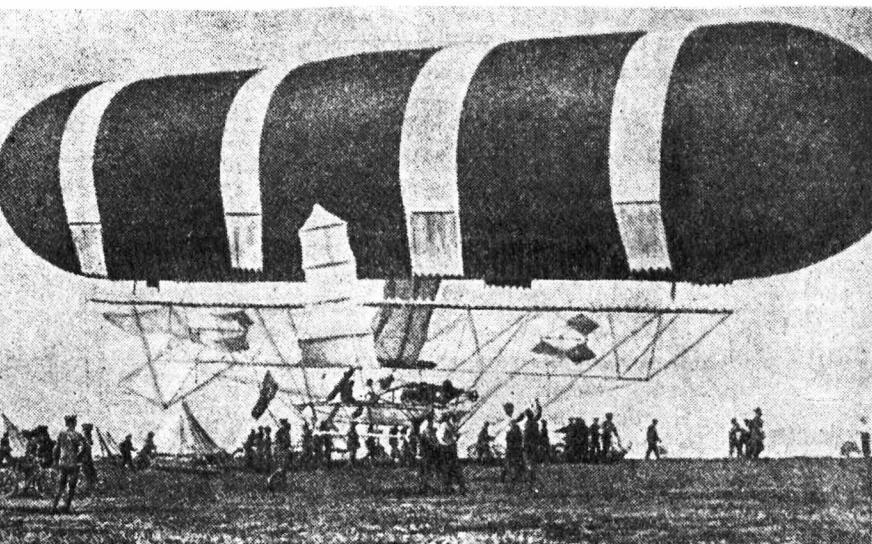
— Если вы этого желаete, Бэни,—я согласна.

Бэни стоялъ въ сомнѣніи и нерѣшительности. Онъ смотрѣлъ то на Эмилию, то на дверь. Наконецъ, онъ повернулся къ послѣдней.

— Я пойду домой и скажу мамочкѣ, пробормоталъ онъ, удаляясь.

Новый аннамский король.

ИЗЪ ДНЕВНИКА ШОПЕНА.

Въ журнальѣ „Guide Musical“ Гастономъ Кносомпомъ опубликованы интересные отрывки изъ дневника, который вѣль Шопенъ въ 1837—1848 годахъ. Помимо вѣнѣній биографическихъ подробнѣстей, дневникъ богатъ и лирическими страницами, характерными для тонкой, нервной организаціи геніальнаго композитора. Очень многіе изъ этихъ отрывочныхъ страницъ касаются Жоржъ-Зандъ, съ которой, какъ извѣстно, Шопенъ былъ очень близокъ. Первое знакомство ихъ относится къ осени 1837 г. Подъ 10 мѣсяцами этого года мы читаемъ въ дневникѣ Шопена слѣдующія вещахъ. Листъ, увидѣвъ, что я одинъ, подвелъ ее ко мнѣ. Кругомъ благословили цѣлты. Она хвалила мою игру. Она меня поняла. Но это грубое лицо, строгое и печальное... Я видѣлъ ее затѣмъ дважды

въ ея салонѣ, окруженному французской аристократіей, и еще разъ однѣ. Она любитъ меня, Аврора, что за прелестнѣ имя!...

Новые знакомые скоро сближаются. Жоржъ-Зандъ везетъ своего больнаго друга на островъ Маіскру; въ мечтахъ Шопена образъ Авроры сливается съ образомъ любимой матери. „Она заботится обо мнѣ день и ночь. Ея дыханіе освѣжаетъ меня... Наши души однѣ на этомъ островѣ, посреди моря.. Ночью ко мнѣ донесится шумъ волнъ. Ребекка Стирлингъ*) поѣтила настѣ. Она принесла мнѣ большія англійскія фіалки. Когда я кашляю, то чувствую эту кашель въ глубинѣ сердца. Я обожаю свѣтъ, онъ наполняетъ мнѣ на ухо чарующую мелодію. Не могу умирать! Тѣни преслѣдуютъ меня, но жизнь крѣпка,—фіалки Ребекки на моей могилѣ... Не хочу умирать! Но мало-по-малу Жоржъ-Зандъ начинаетъ удѣлять своему другу все менѣше времени. Она работаетъ надъ своими романами, и даже когда пальцы Шопена скользятъ на клавишахъ, перо ея продолжаетъ бѣгать по бумагѣ. Но онъ любитъ ее такъ же пламенно, какъ раньше. „Ради тебя лишь, Аврора, бреду я еще по землѣ. Для тебя готовъ отдать все, что у меня есть самаго дорогого.. Только одинъ твой взглядъ, одна ласка, одна улыбка,—когда ты утомлена. Я хочу жить для тебя одной; для тебя одной хочу вызывать съ клавишъ сладкія мелодіи. Вѣдь, ты не будешь слишкомъ жестока ко мнѣ, моя любимая! О, эти загадочные очи!“

Болѣнь Шопена усиливается, кашель терзаетъ его: плохи и его денежныя дѣла.

Далеко отсюда, подъ небомъ Польши, вижу я глаза матери.. Тяжелы непролитыя слезы... „Фридрикъ, маленький Фридрикъ,—говорила она мнѣ,—ты, будешь великимъ музыкантомъ. Польша будетъ гордиться тобой!“ На душѣ пусто. Какъ я страдаю!“

Наступаетъ, наконецъ, разрывъ съ Жоржъ-Зандъ. „Все кончено!—занесено въ дневникъ отъ 1-го июня 1847 г. —Жить больше незачѣмъ! Нѣсколькими годами больше или менѣе... Но никогда не жить мнѣ больше настоящей жизнью. Я не пишу этихъ словъ, —точно молотомъ бьютъ они меня по мозгу. Она говорила со мной такъ жестко... Душа болитъ... Никогда не думалъ, что она можетъ быть такой жестокой!.. Со смертью въ душѣ уѣзжаетъ Шопенъ въ Шотландію, въ замокъ Стирлингъ. „Жестокая! Моя душа отталкиваетъ, проклинаетъ тебя. Твои поцѣлуи горятъ во мнѣ, какъ пламя. Покой покинулъ меня... Вернется ли онъ мнѣ когда-нибудь? Дорогая родина! Я вижу тебя въ туманѣ, вижу вмѣстѣ съ глазами моей матери, ея ртомъ, ея подбородкомъ! Бѣдная страна, ты поешь и плачешь! Мое сердце принадлежитъ тебѣ; на твоей груди найдетъ оно, наконецъ, покой!“

*) Другъ Шопена.

**) Черезъ годъ Шопенъ скончался.

Раздача пособия жителямъ Назабланки.

Памяти Г. Я. Острянина.

Съ покойнымъ Григоріемъ Яковлеви-
чъ я познакомился во время войны въ Иркутскѣ, куда онъ прѣѣхалъ изъ Манч-
журіи. Лабораторію свою онъ устроилъ
на дачѣ, рядомъ съ штаб.-квартирою Красно-Крестовской администраціи. Такое
близкое сосѣдство съ петербургской „на-
чальствующей“ бюрократіей, любившей „просто“ разрѣшать всякие вопросы, клав-
шей чиновный, зависящій отъ „отноше-
ній“, отпечатокъ на благія начинанія вра-
чей, — казалось, не предвѣщало Григорію Яковлевичу мирного труда. Но Григорій Яковлевичъ сумѣлъ внушить уваженіе къ себѣ, своей наукѣ и харьковскому ме-
дицинскому Обществу (отправившему его во главѣ санитарного отряда), знамя ко-
тораго онъ высоко и горделиво водрузилъ на иркутской почвѣ. Какъ только полу-
чились извѣстіе о появлѣніи чумы на та-
рабогонахъ, взоры Красно-Крестовской и военной администраціи обратились на Григорія Яковлевича, мнѣніе котораго въ нихъ не возбуждало сомнѣній. Съ ка-
кимъ чистымъ юношескимъ пыломъ онъ уѣхалъ на борьбу съ этой страшной бо-
лѣзнью!

Двери лабораторіи его были всегдаши-
ро раскрыты для всѣхъ, нуждавшихся въ совѣтѣ его, желавшихъ поработать подъ руководствомъ пръсвѣщенаго бакте-
риолога. И дѣйствительно, сколько вра-
чей перебывало тамъ, сколько врачей впервые, можетъ быть, встрѣтились на научной почвѣ съ настоящимъ бакте-
риологомъ, умѣвшимъ заинтересовать своей наукой и пробудить сознаніе важ-
ности знакомства съ ней каждому врачу. Григорій Яковлевичъ организовалъ въ городской Кузнецовой больницѣ заня-
тія по бактериологии для ординаторовъ и экстерновъ ея, больницѣ, которая впер-

вье въ своихъ стѣнахъ пріютила бакте-
риолога. Я не ошибусь, если скажу, что онъ, благодаря своему научному авторитету, умѣнью кротко, скромно распространять идеи своей любимой науки, — создалъ твердое убѣждѣніе среди иркут-
ского медицинскаго мѣра о необходимости такому крупному центру, какъ Иркутскъ, имѣть свою бактериологическую станцію. И дѣйствительно, много разъ Гр. Як. предлагали иркутцы пересадить на си-
бирскую почву идеалы харьковского бактериологического института; поднимап-
ся даже вопросъ о субсидії. Я послѣдній разъ бесѣдовалъ объ этомъ съ по-
койнымъ нѣсколько мѣсяцевъ на-
задъ. Помню, какъ онъ сказалъ мнѣ: „Я такъ сроднился съ харьковскимъ медицинскимъ Обществомъ, что не мнѣ, уже человѣку немолодому,ѣхать насаждать новое дѣло. А вотъ кто-
либо изъ молодыхъ могъ бы тамъ много полезнаго создать для края“.

И указалъ на Бокитъко.

Да, и иркутскіе врачи сохранять добрую память о дѣятельности покойнаго.

Мы — харьковскіе врачи, войной забро-
шенные въ Иркутскъ, по прѣѣздѣ Григо-
рія Яковлевича почувствовали себя объ-
единенными въ группу „харьковцевъ“, и стимуломъ этой связи былъ научный авторитетъ, удивительно радушное го-
степріимство и добрый, мягкий характеръ покойнаго.

Спи же мирно тотъ, кто никого нико-
гда не обижаль, кто чисто вѣриль въ науку и талантливо ее пропагандировалъ, кто оставилъ послѣ себя „рѣдкій памят-
никъ“ — Острянинскій духъ — духъ жизни и прогресса.

А. Скрыпть.

Разныя разности.

Величайший въ міре домъ, строящий-
ся нынѣ въ Нью-Йоркѣ, будетъ имѣть
612 футовъ въ высоту, т. е. на 200 футовъ превзойдетъ самый высокій изъ аме-
риканскихъ домовъ-великановъ. Изъ 47-ми
этажей этого дома, принадлежащаго ком-
паніи Зингеръ, построены уже 41; скоро
будутъ готовы и остальные шесть. Зем-
ля въ Нью-Йоркѣ, особенно въ дѣловыхъ
кварталахъ, съ каждымъ годомъ страшно
дорожаетъ; цѣна квадратнаго фута дости-
гаетъ уже 700 долларовъ (около 1,500
руб.). При такихъ цѣнахъ естественно
стрѣмленіе американцевъ гнать дома квер-
ху, превращая ихъ въ башни. Такой
башнеобразный видъ имѣеть и новый
зингеровскій домъ, при вѣездѣ въ Нью-
Йоркъ издалека бросающійся въ глаза.
Желѣзное зданіе, вѣсящее 86,000 тоннъ,
покоится на 89-ти стальныхъ колоннахъ,
ущедшихъ на 90 футовъ въ землю. Управле-
ніе многочисленными лифтами новаго зданія
сосредоточено въ центральномъ бюро.
Лифты эти проходятъ 600 футовъ въ ми-
нуту; среди нихъ будутъ и лифты-экспрессы,
которые будутъ обслуживать только
верхніе этажи, не останавливаясь ни-
же 20-го этажа. Зданіе будетъ освѣщаться
15,000 лампочекъ, — количествомъ, до-
статочнымъ для иного города. Въ каждой
комнатѣ зданія будетъ находиться кранъ
для питьевой воды. Вездѣ будутъ имѣться
также пылевысасыватели. На самомъ вер-
ху зданія помѣстится прожекторъ, свѣтъ
котораго будетъ виденъ за 100—130 кило-
метровъ, если, конечно, зингеровское зданіе
не будетъ заслонено другимъ болѣе
высокимъ. А послѣднєе очень вѣроятно,
такъ какъ Metropolitan Life Company со-
бирается надстроить на свое находящее-
ся по-сосѣдству съ Зингеромъ зданіе баш-
ню и такимъ образомъ довести его до
49-ти этажей.